

УДК 13; 2-12

АНАЛИТИКА СЕКУЛЯРНОСТИ ЧАРЛЬЗА ТЕЙЛОРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Чернов Алексей Сергеевич
референт миссионерского отдела
Тамбовской епархии, студент
подготовительного курса
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: aschernov@mail.ru

Для цитирования: *Чернов, А.С.* Аналитика секулярности Чарльза Тейлора в контексте современной миссионерской деятельности Русской Православной Церкви // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 3 (12). С. 48–58.

Аннотация

В данной статье проводится анализ Введения книги канадского философа Чарльза Тейлора «Секулярный век», где автор проясняет основные концепты и термины, используемые им в данном фундаментальном труде. Аналитика секулярности Тейлора, а также широкий исторический экскурс в историю Западной Европы для прослеживания развития моделей секулярности дает возможность понять проявления этого феномена в XXI веке с позиций Православия и наметить пути его преодоления.

Ключевые слова: Православие; христианство; секулярность; неверие; потеря целостности; рефлексивность; гуманизм; картина мира; миссионерство.

В 2017 году издательством ББИ¹ [1, с. 71–72] был окончательно переведен на русский язык и издан в России фундаментальный труд канадского профессора философии Чарльза Тейлора «Секу-

¹ Библийско-богословский институт святого апостола Андрея – российское негосударственное учебное заведение дополнительного профессионального образования богословской направленности, основанное в 1995 году.

лярный век». Данное издание представляет 1000-страничный фолиант плотного текста, состоящего из сложных синтаксических конструкций, чтение которых требует определенной выучки и интеллектуальной дисциплины. На языке оригинала (английском) книга увидела свет в 2007 году в издательстве Гарвардского университета (США). Труд Тейлора сразу же вызвал широкий резонанс в англоязычном гуманитарном научном мире, чего, к сожалению, нельзя сказать о русскоговорящей аудитории после публикации книги в России. Во Введении канадский философ пишет о цели своей книги: «В предельно кратком виде мой замысел можно было бы выразить так: я намерен описать и проследить процесс изменений, ведущих нас от общества, где не верить в Бога было практически невозможно, к такому обществу, где вера, даже для самого твердого из верующих, является лишь одной из открытых для человеческого выбора возможностей» [4, с. 4]. Для реализации своего замысла Тейлор обращается к истории Западной Европы (исследуя сначала Старый Свет, а потом и Новый) за период от 1500 до 2000 года.

В своей статье мы коснемся лишь Введения «Секулярного века», которое, надо сказать, занимает 29 страниц и может восприниматься как отдельный трактат¹. Почему же мы обращаемся ко Введению? Дело в том, что, на наш взгляд, в нем Тейлор в сжатом виде дает пронизательную аналитику положения современной культуры Западного мира. В основном автор говорит о североатлантических странах, однако процессы глобализации стирают границы между культурным фоном различных этносов и делают цивилизационный обмен открытым. К тому же в течение XX века именно США стали оказывать наиболее сильное влияние на весь мир, тем интереснее знать о тех процессах, которые привели Северную Америку к нынешнему секулярному положению.

Россия, как известно, занимает особое цивилизационное место в мире. С одной стороны, она тесно связана с европейской культурой, а с другой стороны, понимает себя сама и воспринимается Западом как «Другой». Чарльз Тейлор написал предисловие

¹ Советую тем, кто решится взяться за книгу Тейлора, читать каждую главу книги в качестве отдельной небольшой научной работы, и лишь после такого прочтения (с соответствующим конспектированием) собирать воедино идеи автора. Взять штурмом фолиант Тейлора вряд ли удастся.

к русскому изданию, в котором признается в ощущении счастья в связи с тем, «что книга „Секулярный век“ будет опубликована на русском языке» [4, с. XI]. Канадский профессор пишет: «Я начинаю с того, что принято называть „западным христианством“. Следует ли рассматривать восточный православный мир как иной, особый культурный контекст? Я считаю, что да: не для всех целей, но, несомненно, для того, чтобы понять все те большие перемены, которые произошли и продолжают происходить в религиозной жизни. Латинский и греческий обряды сформировали две разные христианские цивилизации, называемые „христианским миром“, которые обладают связанными, но отличающимися богословскими взглядами и, что еще более важно, различными импульсами для реформ» [4, с. XI]. Адаптировать наработки Тейлора к российскому цивилизационному пути с учетом специфики данного пути – это вызов для современного российского научного мира.

Мы же ставим себе задачу гораздо скромнее – использовать аналитику и соответствующий понятийный аппарат Тейлора, данный им во Введении, чтобы с этого ракурса посмотреть на нынешнее положение веры в России, а также наметить вехи развития православной миссионерской деятельности. Наш метод работы с текстом «Секулярного века» чем-то будет напоминать декартовский метод философствования: сначала мы разберем базовые понятия автора, а затем через них попытаемся взглянуть на российский культурный фон и сделать соответствующие практические выводы.

Итак, переходим к терминологии Чарльза Тейлора. Ключевое понятие книги – секулярность – философ использует в трех значениях:

Секулярность-1 – секуляризованные публичные пространства [4, с. 27]. В 2000 году, в отличие от 1500 года, почти все публичное пространство Западного мира заполнено светскими формами взаимодействия. Встречи политиков и предпринимателей, обучение в школе или вузе, домашние посиделки, чтение журналов и общение в социальных сетях – все это имеет ярко выраженный секулярный характер. Не так было несколько столетий назад: «Бог присутствовал <...> во всем множестве социальных практик (не только политических) и на всех уровнях общества –

например, когда местное управление осуществлялось в рамках церковного прихода <...> ; когда религиозную обрядность, отнюдь не являющуюся чем-то формальным, поддерживали цехи и гильдии; или когда единственным способом, каким общество во всех своих частях могло явить себя самому себе, были религиозные праздники, как, например, процессия Тела Христова» [4, с. 2]¹.

Секулярность-2 – упадок верований и практик [4, с. 27]. Проявляется в том, что в настоящее время незначительное от общей массы количество людей регулярно посещают храмы или совершают повседневные религиозные практики.

Секулярность-3 – условия бытования веры в обществе. Если принять во внимание положение Секулярности-1 и Секулярности-2, то вырисовывается следующая картина современного общества: это социум, в котором произошел «переход от общества, где вера в Бога была чем-то само собой разумеющимся <...> к такому обществу, где веру рассматривают как один из возможных, наряду с другими, вариантов выбора...». Тейлор ставит перед собой задачу исследовать западноевропейское общество в положении Секулярность-3. Он пишет: «В предельно кратком виде мой замысел можно было бы выразить так: я намерен описать и проследить процесс изменений, ведущих нас от общества, где не верить в Бога было практически невозможно, к такому обществу, где вера, даже для самого твердого из верующих, является лишь одной из открытых для человеческого выбора возможностей» [4, с. 4].

¹ Относительно последнего примера Тейлора, а именно религиозных праздников, на которых общество являет себя самому себе, приходит на память эпохальное полотно Ильи Репина «Крестный ход в Курской губернии». А вот что касается местного управления, осуществляемого в рамках церковного прихода, а также цехов и гильдий, поддерживающих обрядность, – здесь, думаю, сложно будет найти параллель в русской истории. Можно, конечно, обратиться к истории Новгорода и Пскова – уникальным островкам свободы домонгольской Руси, но эти города, скорее, исключение, подтверждающее более суровую русскую, нежели европейскую, действительность. Мануфактуры (продолжение ремесленных цехов), возникшие в Западной Европе стихийно и снизу, на Руси организовывались планомерно и сверху и несли в себе изначально светский (точнее, милитаризованный) характер. Что касается церковного прихода, то он, в условиях русского крепостничества, не играл самостоятельной роли в местном управлении. Скорее, приход был привязан к уже сложившейся территориально-административной единице. Был бы признателен профессиональным историкам, которые взяли бы на себя труд прокомментировать эти замечания. Если те предположения, которые выдвинул автор статьи, верны, то мы можем сделать вывод, что российская действительность более секулярна в сравнении с западноевропейской.

Секулярность теперь является «фоном» (еще один термин Тейлора), на котором развивается как вера, так и неверие. Про «фон» автор пишет: «Мы сразу же его почувствуем, если примем в расчет то, что любые верования существуют в контексте или в рамках чего-то само собой разумеющегося, чего-то такого, что, как правило, остается невысказанным и, не будучи ясно сформулированным, может даже не осознаваться самим верующим» [4, с. 17]. Каковы же отличительные черты современной эпохи? Главная ее особенность в том, что человек ищет полноту жизни (счастье) исключительно в границах этой жизни, тогда как несколько столетий назад люди искали полноту бытия за гранью мира. Если говорить философским языком, то для верующего источник полноты трансцендентен, а для неверующего – имманентен. Тейлор дает аналитику разных видов имманентности, но разбирать их подробно не входит в задачу нашей статьи. Еще одним штрихом к портрету секулярного человека является потеря им целостности реальности, или, как пишет канадский профессор, «разрушение форм непосредственно переживаемой достоверности» [4, с. 16]. Используя терминологию немецкого философа Фридриха Шиллера, Тейлор называет это разрушение «потерей наивности» [4, с. 16]. Автор «Секулярного века» противопоставляет «наивность» и «рефлексивность», причем к каждой категории применимо истолкование реальности. В первом варианте «большинство людей „наивно“ воспринимали свое истолкование действительности <...> как простую и самоочевидную реальность» [4, с. 16]. Во втором варианте «каждый воспринимает свой выбор как один из многих возможных» [4, с. 16]. От жизни в реальности мы переходим к постоянному рефлексированию над реальностью.

«Процветание» – последнее понятие, которое мы берем у Тейлора для характеристики современного человека. «Каждая личность и каждое общество имеет те или иные понятия о человеческом процветании и опирается на них в своей жизни. Что такое совершенная жизнь? Что делает жизнь по-настоящему достойной того, чтобы быть прожитой?» [4, с. 21]. Христианская традиция учит, что гарантом жизни является внеположный миру источник бытия – Бог. Именно в стремлении к Нему, в исполнении Его воли – счастье человека. Бог желает блага человеку,

однако «слова «да будет воля Твоя» не равнозначны формуле «да процветают люди», даже если мы знаем, что Бог хочет человеческого процветания»¹. Христианское процветание связано с эсхатонном, с явлением Христа во славе во Второе Пришествие. Напротив, процветание в секулярную эпоху понимается только в рамках земной жизни человека. Складывается особый тип гуманизма (Тейлор называет его «самодостаточным гуманизмом»), «не желающий признавать никаких конечных целей, кроме человеческого процветания, и отвергающий всякую преданность тому, что лежит за пределами этого процветания» [4, с. 24]. На эту тему мне вспоминается один домашний разговор с друзьями нашей семьи, в котором женщина (35 лет) спросила меня: «А зачем мне Бог, если я и так счастлива? У меня есть муж, который неплохо зарабатывает, дети, 2 квартиры (в одной мы живем, а вторую отделяем)». Ее вопрос – типичный пример работы сознания в секулярную эпоху, ориентированного на конечное.

В качестве резюме отметим, что культурным фоном современной эпохи является секуляризация. Ее основные черты:

1. Презумпция неверия [4, с. 17].

2. Поиск полноты жизни исключительно в границах данного временного бытия.

3. Потеря целостности реальности.

4. Непрерывающаяся рефлексивность над действительностью.

5. Самодостаточный гуманизм.

Как видно, все эти положения бросают вызов традиционной христианской картине мира. И, надо сказать, для Церкви такие вызовы не новы. Доктор филологических наук Татьяна Александровна Касаткина, известный российский исследователь творчества Достоевского, в своем докладе «Секуляризация как положительный вызов»² [2] отмечает, что «корень слова «секулярность» – это слово «saeculum» – «век». Оно, кстати, одновременно значило «род» и «пол», очевидно принадлежащие «веку сему». Касаткина, ссылаясь на текст Послания к Римлянам:

¹ На странице 23 русского издания даются интереснейшие размышления Тейлора о диалектике самоотречения и процветания в христианской традиции.

² Татьяна Касаткина, зав. отделом теории литературы ИМЛИ РАН, председатель Комиссии по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского, Научного совета «История мировой культуры» РАН, доктор филологических наук.

«...и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия» (Рим. 12, 2), – говорит, что «здесь апостол Павел в очередной раз напоминает, что мы живем в мире, но мы не от мира». «И в этом смысле, – продолжает Татьяна Александровна, – секулярность для христианства – это та среда, из которой христианство выделяется изначально и по отношению к которой христианину легче всего понимать и обосновывать, что он есть такое на самом деле»[3]. Мы не будем здесь подробно сравнивать разность понимания феномена секулярности у Чарльза Тейлора (состояние современной культуры, к которому она шла последние 500 лет) и Татьяны Касаткиной (состояние «века сего» как противоположность эсхатологического «века грядущего»). Заметим лишь, что можно рассматривать подход Тейлора как локализацию более широкого понимания секулярности, как она представлена, в нашем случае, Касаткиной. Либо можно сказать, что секулярность Касаткиной – обобщенный богословский термин, тогда как секулярность Тейлора – конкретно-исторический термин, привязанный к определенному историческому этапу. По мысли Татьяны Александровны, наличие секулярности не должно смущать христиан, так как секулярность есть изначально иное, по отношению к которому Церковь утверждает себя и свою миссию. Евангельские притчи наглядно показывают, что последователи Спасителя вброшены в этот мир как семена будущего Царства Небесного. Церковь одновременно существует в двух измерениях – вечном и временном. Пребывая во времени, Церковь принимает вызовы эпохи и преображает эпоху светом Христовым. Об этом говорит Касаткина в своем докладе: «Оставляя пространство секулярности, мы свидетельствуем о том, что мы еще не христиане – и мы не совершили того, к чему были предназначены. <...> Христианство было предназначено <...> для преображения мира и человека и восстановления единства Богочеловеческого бытия» [2]. Верующий не бежит из мира, но преображает мир силой Христа. Таким образом, книги, подобные «Секулярному веку», дают христианам возможность яснее представить свои позиции и лучше понять ту среду, в которой они находятся.

Какие же практические выводы касательно миссионерской деятельности мы можем сделать из аналитики секулярности, данной

Чарльзом Тейлором во Введении к его эпохальному труду? Если писать тезисно, то выводы следующие:

1. Учитывая рефлексивность современного человека, акцент в миссионерстве необходимо сделать на образование. Современник хочет, чтобы ему «все объясняли» и христианство имеет на этот запрос неисчерпаемый интеллектуальный багаж, основанный на святоотеческой традиции. При этом миссионер должен быть еще хорошо осведомлен и начитан в современной богословской, а также художественной литературе.

2. Потеря большинством людей целостной картины мира может сыграть, как ни странно, на руку христианам, которые должны уметь отвечать на современный экзистенциальный голод по целостности¹ свидетельством о таком образе жизни, который не разрушает, но собирает человека воедино. Евангелие дает человеку именно целостное мировоззрение, центром которого является Личность Богочеловека.

3. Самодостаточный гуманизм со временем все больше замыкает человека в самом себе, словно в клетке. Это хорошо видно в творчестве французского философа Жана-Поля Сартра. Характерен его афоризм: «Ад – это другие». На подобную экзистенциальную духоту и тошноту христианство отвечает своим афоризмом: «Другие – это рай». Согласно библейскому преданию, Бог изначально создал людей как множество – прообразуя тем самым множественность Лиц Нетварной Троицы. Верующему нужно научиться видеть в другом человеке образ Божий, и тогда сартров ад превратится в евангельский рай. Христианские практики несравненно полнее, нежели секулярные методы, раскрывают природу человека, которая принципиально ориентирована на общение, а не на самодостаточность².

Список можно продолжить. Однако цель нашей статьи – показать, как можно использовать разработки авторов, подобных ка-

¹ Мы живем в эпоху калейдоскопического мышления, когда мировоззрение человека конструируется тем или иным поворотом информационного поля. Согласно христианскому пониманию, такой тип мышления идет вразрез с фундаментальной природой человека, которая задумана Творцом как целостная и всячески стремящаяся к целостности вокруг источника своего бытия – Бога.

² «Подлинная человечность явлена в сопричастности двух человеческих существ друг другу. Тезис о человеке как образе Бога приводит к существенному выводу: „Я нуждаюсь в тебе, чтобы быть самим собой“. Не в изолированности, а в сообществе проявляется божественный образ; первоначально – в союзе мужа и жены, являющемся основанием всех иных форм жизни людей» [3, с. 136].

надскому философу Чарльзу Тейлору, для практической миссионерской деятельности. Убежден, что кризис, в котором находится в наши дни христианство, выведет в итоге Церковь на новый виток развития. Верующие в свою очередь должны непрерывно искать новые формы свидетельства об опыте веры и о Традиции Церкви. Активность человеческая в союзе с благодатью Божией – в этом заключается православный принцип синергии, сотрудничества. Без активности человеческой благодать Божия не будет явлена, Дух Святой человек должен стяжать. Во все времена от христиан требовались усилия, в том числе и интеллектуальные. Книга Чарльза Тейлора (который никогда не скрывал своей христианской направленности) приглашает православного читателя приложить такие усилия для лучшего понимания христианства в современном мире.

Список литературы

1. *Бодров, А.Э.* Библейско-богословский институт святого апостола Андрея // Православная энциклопедия. – Москва : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2002. – Т. 5. – С. 71–72.

2. *Касаткина, Т.* Секуляризация как положительный вызов : [доклад на конференции «Идентичность, инаковость, универсальность», Сериате-Милан, 5–8 окт. 2013 г.] / Татьяна Касаткина // LiveJournal : блог-платформа. – URL: <https://t-kasatkina.livejournal.com/49027.html> (дата обращения: 14.06.2020).

3. *Сигов, К.* Таинство любви: герменевтика обещания и прощения / Константин Сигов // Дружба: ее формы, испытания и дары. – Киев : Дух і Літера, 2008. – С. 127–136.

4. *Тейлор, Ч.* Секулярный век / Чарльз Тейлор. – Москва : Библейско-богословский институт, 2017. – XIV, 967 с. – (Философия и богословие).

UDC 13; 2-12

CHARLES TAYLOR'S ANALYSIS OF SECULARITY IN THE CONTEXT OF MODERN MISSIONARY ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

Alexey S. Chernov

Assistant at Missionary Department
Tambov Dioceses
Student of Preparatory Course
Tambov Theological Seminary
E-mail: aschernov@mail.ru

For citation: *Chernov, A.S.* Charles Taylor's analysis of secularity in the context of modern missionary activity of the Russian Orthodox Church // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 3 (12), pp. 48–58. (in Russian)

Abstract

This article analyzes the introduction of the book by the Canadian philosopher Charles Taylor – *A Secular Age*, where the author clarifies the basic concepts and terms used by him in this fundamental work. The analysis of Taylor's secularity, as well as a broad historical excursion into the history of Western Europe to trace the development of secularity models, makes it possible to better understand the manifestations of this phenomenon in the 21st century and outline ways to overcome it.

Keyword: Orthodoxy; Christianity; secularity; disbelief; loss of integrity; reflectivity; humanism; picture of the world; missionary work.

References

1. *Bodrov, A.E.* Bibleisko-bogoslovskii institut svyatogo apostola Andreyia [Biblical and Theological Institute of the Holy Apostle Andrew]. // *Orthodox Encyclopedia*. – Moscow: Church and Scientific Center «Orthodox Encyclopedia», 2002, vol. 5, pp. 71–72. (in Russian)
2. *Kasatkina, T.* Sekulyatsiya kak polozhitel'nyi vyzov [Secularization as a positive challenge]. Report at the conference

«Identity, Otherness, Versatility. Seriate-Milan. (in Russian). Available at: <https://philologist.livejournal.com/5898881.html>
Report text: <https://t-kasatkina.livejournal.com/49027.html>. (Accessed: 14.06.2020).

3. *Sigov, K.* Tainstvo lyubvi: germeneytika obeshchaniya i proshcheniya [Sacrament of love: hermeneutics of promise and forgiveness]. // Friendship: its forms, trials and gifts. Kiev: Dukh i Litera, 2008, pp. 127–136. (in Russian)

4. *Taylor, Ch.* Sekulyarnyi vek [A Secular Age]. Moscow: Biblical Theological Institute, 2017. – XIV, 967 p. (Philosophy and Theology). (in Russian)